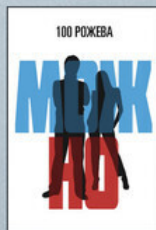

Татьяна 100 Рожева

Пихалыч

*Часть сборника
Можно (сборник)*

Татьяна 100 Рожева

Пихалыч

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8709098

Аннотация

«Начальница была бывшая, а чай настоящий – с мятой, малиной и смородиновым листом. Марина обожала «гонять чай». Об этом знали все, и несли ей коробки и банки с чаем, которых за трудовую жизнь накопилось на целый шкаф...»

Татьяна 100 Рожева

Пихалыч

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

– У меня к тебе предложение..., – сказала моя бывшая начальница Марина, пока заваривался чай.

Начальница была бывшая, а чай настоящий – с мятой, малиной и смородиновым листом. Марина обожала «гонять чай». Об этом знали все, и несли ей коробки и банки с чаем, которых за трудовую жизнь накопилось на целый шкаф.

«Плохой человек хороший чай подарить не может», – утверждала Марина, безошибочно определяя людей по качеству принесенного ими чая. Она пила только обжигающе горячий и шутила: «в аду у меня наконец-то всегда будет кипяток!»

Мы уже не работали вместе, но дружили, и я часто заезжала к ней «на чай».

– Какое предложение? – Сунула я нос под крышечку заварочного чайника.

– Рано, рано! Пусть еще настоится! Предложение деловое! Собственно, не у меня, а у моего хорошего знакомого. Он дозрел живописать «житие свое», попросил меня найти помощницу. Я рекомендовала тебя, как лучшую журналистку Москвы.

– Марин..., – скривилась я, – чего уж там Москвы-то? Вселенной и окрестностей!

– Я знаю, что говорить! Я пятнадцать лет в театральном журнале оттрубила! Там с этим строго! Гением не назовешь – с тобой никто даже разговаривать не станет! – Марина хитро подмигнула. – Шучу, шучу, ты знаешь, как я к тебе отношусь. В общем, этот мой знакомый из тех времен. Он еще в девяносто лохматом году деньги давал «на искусство». Сам из технарей, но таких, знаешь, которым нравится чувствовать себя немножко богемой, хоть рядом потереться. Нет, он, правда, помогал всегда. Этого не отнять. За это печатал у нас в журнале свои опусы. Средненькие, прямо скажем. Откуда у него деньги, честно, не вдавалась никогда. Тогда за лишние вопросы можно было и схлопотать. В общем, я пообещала, что поговорю с тобой. А ты смотри сама. Если тебе это в принципе интересно, он готов.

– В принципе, конечно интересно. А сколько ему лет?

– Ой.... Сейчас... ну за семьдесят уж наверняка. Мы давно не виделись. Я даже голос не сразу узнала по телефону.

– Так он для этого звонил?

– Я поняла, что да. Сначала – как здоровье, как сама, чувствую, чего-то надо. Я так в лоб и спросила – чего тебе нужно, старче? Он засмеялся – сто лет прошло, говорит, а интуиция у тебя все та же. Ну и рассказал: стареет, мол, зрение портится, память уже не та, то спину прихватит, то давление, то шмавление, а ничего великого так и не сваял. Дозрел. А самому уже не справиться. Помощница нужна.

– Великого? Запросы, однако!

– Ну, запросы у каждого свои. Кому суп жидок, кому жемчуг мелок... Ты съезди, познакомься, поговори. За спрос денег не берут. И не дают, – засмеялась Марина. – Только я тебя предупредить должна. Не знаю уж, как сейчас, а тогда... Анатолий Михалыч его зовут, так, сколько его знаю, бабы его между собой всегда «Пихалычем» звали.

– ???

– Да, в том самом смысле. Всех перепробовал! Он без этого на работу не брал. А они еще и в драку, кому с ним крутить, курицы безмозглые! Может, остепенился под старость то.... Хотя... Фамилию Ебанько не сменишь. Помощницу просил найти, чтобы не старше сорока. Зачем тебе молодая, спрашиваю, варить тебе ее что ли? А он – не хочу старуху, я сам старый. Такой вот он, Анатолий Михалыч. В общем, ты

девочка взросленькая, разберешься чего куда.

– Марин, а Вы-то с ним.... Тоже?

– Нет, – замотала она кудряшками цвета крепкого чая с пенкой седины. – Честное старушачье! Мы так в друзьях и перезимовали. Я ж все время замужем была. То за одним, то за другим. А потом, когда одна осталась, мама долго болела, не до шашней было. Он, кстати, помогал. Лекарствами, машиной, деньгами иногда. Он, по сути-то, хороший мужик. А «кобелядство» его... думаю, уже треп один, все-таки годы. Ну, так что? Давать ему твой телефон?

– Давать. И спасибо Вам.

– Спасибо будет или другое слово, потом расскажешь, – неуверенно улыбнулась Марина. – Наливай чай...

На следующий день вальяжный старческий голос, представившись «Анатолием Михайловичем от Марины», обстоятельно объяснил, как добраться до его конторы, потому что «разговор предстоит нетелефонный».

Контора занимала первый этаж жилого дома, и входом не отличалась от обычного подъезда. Внутри ждал сюрприз: белые стены и двери с золотыми номерами и две охранницы предпенсионного возраста в цветастых платьях, которые обе бросились ко мне, рябя цветочками.

– Я к Анатолию Михайловичу, – объяснила я.

– А вы записаны? – Хором спросили они.

– Нет. Но мы договаривались на семь.

– Сейчас я узнаю. – Одна из охранниц скрылась за дверью без номера. Вторая рассматривала меня, как рассматривают старые куры новую, только что купленную несушку другой породы, не понимая, чем она лучше и к чему тратить на нее бюджет, отпущенный на весь курятник.

– Анатолий Михайлович просил подождать. Посидите. – Вернулась первая.

Под прицелом четырех накрашенных глаз я села «нога на ногу», выпрямила спину и завела мысок сапога за щиколотку. Эти клуши с их животами и ляжками, если и рискнут сесть так же, снесут по цветному яйцу и будут уволены из охраны.

– Да-да! – Раздался через пару минут знакомый вальяжный голос из-за белой двери без номера.

– Проходите, – хором спели охранницы, качнув хохолками.

Белый кабинет был загроможден черной мебелью. В торце длинного стола улыбался седой мужчина в черной кожаной рубашке. Его белая голова на фоне черного шкафа выглядела сугробом. Две расстегнутых пуговицы рубашки выпускали седую пену волос на грудь, в усы, в брови и на голову. Глаза тоже были словно в пелене – бесцветные и туск-

лые. Мужчина встал, опершись о стол толстыми пальцами в золотых печатках.

– Так вот ты какая, журналистка! Приятно, приятно... – он вывалил пухлую ладонь и кожаный живот, надвисавший над остроносими замшевыми туфлями. – Проходи, проходи, присаживайся!

– Здравствуйте, Анатолий Михайлович, – официально поздоровалась я и присела на черный стул.

– Ну, ну, – он зашел мне за спину и опустил руки на плечи, – я ценю вежливость, но давай без лишнего официоза. Я человек из народа. Простой как лапоть! – Заухал он смехом, проминая пальцами мои плечи.

– Я всего лишь поздоровалась.

– Да ты ершистая! – Хлопнул он меня по плечам. – Это хорошо, это хорошо...

Он вышел из-за спины, поглаживая живот. – Ну, вот что, журналистка. Мы сейчас с тобой перейдем в другое помещение, я девочкам сказал накрыть. Я ведь ждал тебя. Поговорим, познакомимся, пообщаемся. Пойдем.

Приобняв за плечи, он вывел меня из кабинета, но возле двери убрал руку и мимо вжавшихся в насест цветных куриц прошел на шаг впереди.

В противоположном конце коридора за белой дверью с золотой цифрой «11» оказалась столовая. Низкий овальный стол был уставлен тарелками и тарелочками с закусками.

Анатолий Михайлович критично оглядел сервировку.

– Девочки, спасибо! – Крикнул он в пустоту внутренней двери.

Оттуда выбежала девочка лет пятидесяти в синем платице, с услужливой скороговоркой.

– Все хорошо, Анатолий Михайлович? А чайничек? Сейчас поставить?

– Да, да, хорошо. Чайничек? Можно, да. А сыр то где, милочка? Я же просил сыру!

– Ах! – Всплеснула руками милочка. – Виновата! Приготовили, да забыли поднести! Одну секундочку, уже даю!

– Глаз да глаз нужен! – Проворчал Анатолий Михайлович, усаживаясь на стул и давая место животу между широко расставленных ног.

Синяя «девочка» ловко вплела в «закусочный ковер» сырную тарелку.

– Ради бога извините, Анатолий Михайлович! Это моя вина. Недосмотрела. Приятного аппетита. – Мелко закланялась она. – Я рядышком, если что.

– Да, да. Повнимательней надо быть, милочка.

– Извините, – исчезла она в своей норке.

– Это не у вас Марина переняла чуждую манеру называть всех женщин милочками? – Улыбнулась я.

– Не понял. Кто у кого что перенял?

– Марина. Наша с Вами общая знакомая. В конторе, где мы с ней работали, часто менялись копирайторши. Поче-

му-то их все время увольняли и брали новых. Все, что они писали, шло к Марине, как главному редактору. Вот она прочтет опус очередной копирайторши и ласково так: «ну это же полное дерьмо, милочка. Круглый стол не может произойти, он может только состояться. Так с русским языком нельзя, милочка» Она так ко всем обращалась – милочка. Говорила: «моя старая голова больше не вместит ни одной юли, а уж тем более снежаны».

Анатолий Михайлович шевельнул усами, глаза его потеплели.

– Да, Марина с большим чувством юмора всегда была... А эту даму действительно зовут Милочка. Людмила, кажется, полное имя? Моя старая голова, надеюсь, вместит еще не одну Милочку, а уж тем более Снежану.

Он, крикнув, потянулся за бутылкой. Неспеша откупорил, разлил, поднял бокал. – Танюша! Позволь мне тебя так называть. Я отличаюсь от большинства людей, и ты, как умная женщина, а это мне уже очевидно, скоро в этом сама убедишься. Но в чем ты убедишься уже сейчас, это в том, что у меня всегда великолепная еда и вино. Это принципиальный вопрос для меня. У меня есть целая теория на этот счет. Мы позже к ней вернемся, если интересно. А пока – предлагаю выпить, традиционно и банально, за знакомство! Отказов не принимаю! Я уверен, что обязательно человек дол-

жен пить спиртное в умеренных количествах, обязательно!
Говорю это много лет! Давай...!

Выбив звон из моего бокала, он влил в себя свой и принялся за еду, прикрывая глаза от удовольствия и вкусно шевеля щеками и усами.

– Ммм... вот эти огурчики, это что-то необыкновенное! Попробуй! Так я хотел спросить, что это за отношения у вас такие с Мариной? Она же начальницей была твоей, как я понял?

– Да. Я когда пришла в эту контору, меня сразу предупредили – у нас все девчонки нормальные, кроме одной старой маразматички, которой надо угождать, потому как она какая-то заслуженная редакторша, и к ее мнению хозяйка прислушивается. Это единственная проблема. Остальное весело и хорошо. А когда стала работать, оказалось, что остроумней и интересней этой старой маразматички нет никого. Ну вот. Контора давно развалилась, а мы с Мариной дружим...

– Она тоже лестно о тебе отзывалась, – зажевал слова огурчиками Анатолий Михайлович. – Попробуй огурчики! Сейчас, сейчас, пока вкус не замылился! Да рукой бери, что ты как на параде! Ну?

– Вкусно, – хрустнула я огурцом.

Он посмотрел почти с презрением.

– Просто так говоришь? Угодить хочешь?

– Нет! Засол отличный. Чувствуется и хрен, и укропчик

с чесночком, и вишневый листочек и смородиновый и еще семечки такие мелкие... забыла, как называются.... Капли из них делают. И все в правильной пропорции. Правда, очень вкусно.

– Анис, – подсказал довольный Анатолий Михайлович, разъехавшись в усах, – теперь вижу, не врешь, понимаешь.

– Так что с вашей теорией? – Напомнила я.

– Запомнила? Молодец! Сейчас расскажу! – Он зацепил вилкой алый помидорчик и горсть салата, нарезанного сочной соломкой, перенес все к себе в тарелку и бережно уложил, наколот шляпку шампиньона, фаршированную чем-то мелким, осмотрел ее внимательно со всех сторон, и также бережно отнес в рот. Совершив несколько жевательных движений лицом, продолжил: – Что касается питания, я когда-то для себя просто как индивидуум, как муфлон, как человек...

– Муфлон это кто? – Перебила я.

– Муфлон это баран горный, у которого рога загнуты.

– У которого что-то там вычесывают особо ценное?

– Да. На эту тему есть анекдот солдатский. Старшина читает лекцию солдатам про устройство танка и говорит, что там есть такое устройство – ресивер, в нем сто атмосфер, он заводит двигатель. Курсант кавказец спрашивает, что такое сто атмосфер? Старшина поразмыслил, как ответить на этот вопрос солдату и говорит: «Представь барана. Если этот ресивер вставить барану в жопу, рога распрямятся». Так теория заключается в следующем – это все построено на инту-

иции для каждого человека, если он интеллектуально хорошо организован, если у него повышенная интуиция, если он чувствует не примитивно. Вот когда мне говорят: «ой, мой все ест, чего не дам, все ест», я всегда говорю, если можно сказать, если нельзя, молчу, но думаю, что это за быдло! «Все ест» это первый признак отсутствия интеллекта, потому что человек, когда происходил от кого-то там, он начинал свое существование от сна и еды. Это была его интеллектуальная часть – он сначала ел сырое мясо, потом он жарил его на костре, теперь он жарит шашлыки, не может этот исторический процесс уложиться в простую формулу. Бесспорно, пища в человеке параллельно пробуждала интеллектуальное начало. И когда мне говорят: «а мой все ест», я понимаю, что это точно фуфло. Даже не показывайте мне его! Нет, пару раз я таких видел, показывали, все соответствует тому, что я думаю. Это обыкновенное простое существо, которому все равно, к кому прицепиться на улице, что жрать, с кем спать. Оно полезное, оно может огород копать, выращивать цветы, оно может читать и даже писать! Но ему, козлине, будет все равно, что писать! Весь его строй будет совершенно другой, он может быть даже талантлив, но он не откроет до конца свой талант, у него не хватит того начала, человеческих эмоций, которые построены на подсознании, для того, чтобы до конца ощутить какие-то моменты. Эта теория такая нескладная, но что касается еды, она имеет под собой могучее начало.

– Вы автор этой теории или ее последователь?

– Я не автор... ну может и автор. Если она имеет под собой какую-то основу, то можно считать, что я ее расширил.

– Но ведь должны быть какие-то опыты научные, база теоретическая...

– А как же – есть! Вот сейчас увидишь! Как сожру все подряд и как начну всех подряд! Без разбору! – Заухал смехом Анатолий Михайлович, взявшись за бутылку. – Да... И обязательно человек должен пить спиртное в умеренных количествах, обязательно! Говорю это много лет! Потому что образ жизни, экология, стрессы, они человека комплексуют, тормозят его иммунную систему. Работают нервы, а от нервов очень много зависит. А когда человек выпивает, он, во-первых, усиливает работу организма, идет интенсивный обмен веществ. Вот я сидел до твоего приезда, ничего не делал, читал, писал, и естественно, застой крови, не та циркуляция, не та нагрузка, чем это компенсировать? Щас мы выпиваем, и все встает..., – он сделал паузу, – на свои места. Организм нормализует свою работу.

– То есть физкультуру отменяем?

– Ни фигя подобного! Это разные вещи совершенно. Физкультура – это отдельная тема, она избита, она понятна, и на эту тему даже говорить нечего. А вот питание – да! Почему? Прежде всего, человек должен жрать, эмоционально ощущая со знаком плюс, что он жрет. Это первый успех его здоровья. Если он это пропускает, если он это не освоил, то, как пра-

вило, после тридцати пяти – сорока лет человек начнет болеть и раньше умрет. Вот недавно была статистика, которая подтверждает мою теорию: американцы проделали эксперимент, что в среднем, если человек не употребляет спиртного, он живет на десять лет меньше. Поэтому моя теория в том, что надо пить, но не много.

– А что надо пить?

– Это уже не вопрос. Я скажу, что если в умеренных дозах, то качество практически не так важно. Лишь бы не денатурат. Да. Поэтому еда...

– А с едой как? Надо кушать, что хочется или что полезно?

– Только то, от чего ты получаешь удовольствие! Даже если у тебя есть какие-то болезни, но если ты хочешь съесть селедку, бери и ешь! Язва у тебя, песок в желчном пузыре, щебенка, камни, садись, и жри селедку! Это поднимет твой общий тонус, твою иммунную систему и твою сопротивляемость! И пользы в результате будет больше, чем вреда!

– А вот когда толстые люди любят сладкое? Оно толстым тетенькам просто оргазм заменяет, что делать, есть или нет?

– Отвечаю совершенно однозначно – это уже клиника. Это отклонение, там эндокринная система наверняка расстроена, иммунная, и это не входит в рамки нашего разговора. Я толстый, но я в жизни себе не купил ста грамм конфет. А толстый, потому что я мало двигаюсь, у меня работа такая и жизнь такая. Я сбросил двадцать кг, я раньше садился за стол, съедал какие-то вкусные вещи, а сейчас я маленькие

кусочки хлеба четыре раза кусаю. Но! Только эмоциональное восприятие со знаком плюс дает эффект. У нас осталось два начала – два животных замечательных начала – еда и половой акт. Они вызывают первобытные эмоции, которые имеют наибольшую ценность! То, что половой акт и еда, – самое главное на земле, еще никто не оспорил, и другой теории нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.